

♥ ДЕВУШКА С РОЗОВЫМИ ВОЛОСАМИ ♥

— Книга 2 —

Хорошие дни, плохие свидания

ЭДДИ СЛОАН

18+

Эдди Слоан

Хорошие дни, плохие свидания

<https://litres.ru/74186052>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пайпер снова пытается начать жизнь заново: розовые волосы, город у воды, подруги, работа, рисунки на стене кафе и надежда, что на этот раз она точно будет выбирать иначе.

Но хорошие дни не всегда означают хорошие свидания.

Один мужчина слишком торопится. Другой слишком старается. Третий вроде бы ничего не делает не так, но рядом с ним Пайпер снова чувствует себя не собой. А потом появляется Адам — спокойный, смешной, внимательный. С ним легко. Слишком легко.

«Хорошие дни, плохие свидания» — ироничная и теплая романтическая история о современных свиданиях, подругах, неловких ожиданиях, почти-отношениях и моменте, когда женщина наконец перестает спасать чужое молчание за двоих.

Это вторая книга серии «Девушка с розовыми волосами». Историю можно читать отдельно, но лучше начать с первой книги.

Содержание

Глава 1. Стена ждала	4
Глава 2. Воскресенье принадлежит пиратам	25
Глава 3. Пятая минута	42
Глава 4. Тишина, которую можно повесить	57
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Эдди Слоан

Хорошие дни, плохие свидания

Глава 1. Стена ждала

Пайпер пришла к книжному кафе на одиннадцать минут раньше.

Не потому что была пунктуальной.

Потому что хотела оставить себе время сбежать.

На плече висела большая тканевая сумка. Внутри лежали три маленькие акварели в простых белых рамках, переложенные полотенцем, чтобы стекло не стучало о стекло.

Каждый шаг звучал слишком громко.

Хотя, возможно, это была не улица.

Возможно, это просто страх стучал у нее в висках.

На двери кафе висела новая табличка:

«МЕСТНЫЕ РАБОТЫ. ПЕРВАЯ СТЕНА. СЕГОДНЯ».

Пайпер посмотрела на слово «сегодня».

Потом на сумку.

Потом через плечо, на улицу.

Улица выглядела как вполне достойный план.

Теплая. Шумная. С цветами у стены и туристкой, которая

пыталась спасти шляпу от собственного мужчины. Мужчина держал шляпу обеими руками и выглядел так, будто шляпа попросила развод.

Пайпер сделала шаг назад.

Дверь кафе открылась изнутри.

На пороге появилась Дана.

В одной руке у нее был маленький строительный уровень, в другой коробка с крючками для картин.

«Нет», сказала Дана.

Пайпер моргнула.

«Я еще ничего не сказала».

«Ты стояла лицом к бегству».

«Я осматривала район».

«Ты выбирала направление позорного отступления. Заходи».

«Мне кажется, ты злоупотребляешь властью».

Дана подняла коробку с крючками.

«Сегодня у меня власть официальная».

Пайпер вошла.

В кафе пахло кофе, теплой бумагой и прохладой от кондиционера.

Утренних посетителей почти не было. У окна сидели две женщины из четвергового круга. Женщина в огромных солнечных очках уже держала стакан холодного кофе и смотрела на сумку Пайпер с таким видом, будто там мог быть кот, торт или маленькая личная катастрофа.

«Она пришла», сказала женщина.

«Я вижу», сказала Дана.

«С сумкой».

«Я тоже вижу».

«Сумка серьезная».

Пайпер прижала ее к боку.

«Там ничего особенного».

Женщина в очках улыбнулась.

«Все, кто приносит ничего особенного, держат это так, будто полиция уже едет».

Пайпер посмотрела на Дану.

«Можно мне кофе до унижения?»

«Нет».

«Воду?»

«Нет».

«Хотя бы кекс как последнюю просьбу?»

«После стены».

Дана протянула руку.

Пайпер не сразу отдала сумку.

Глупо, конечно.

Это были всего лишь три маленькие рамки. Акварель, стекло, белый пластик, который в магазине назывался минималистичным, потому что слово «дешевый» продавало хуже.

Но внутри все равно дернулось.

Не как перед свиданием.

Хуже.

На свидании можно было решить, что мужчина просто не понял ее.

Здесь было сложнее.

Картина либо оставалась дома, где ее можно было спрятать, либо висела на стене, где ее видели люди.

Дана мягче сказала:

«Давай».

Пайпер выдохнула и передала сумку.

Дана поставила ее на стол и аккуратно достала первую рамку.

Пайпер тут же отвернулась к окну.

Там было безопаснее.

Там шла чужая жизнь, и никто не собирался сейчас смотреть на ее попытки стать человеком, у которого есть не только работа, переписки и плохая память на красные флаги.

«Пайпер», сказала Дана.

«Я здесь».

«Телом да».

Женщина в очках отпила кофе.

«Духом она уже на другой улице».

«Я не на другой улице», сказала Пайпер.

«Еще нет».

Дана поставила первую работу на стол.

Берег.

Слишком аккуратный.

Слишком вежливый.

Такой берег, который первым извиняется, если волна пришла не туда.

«Эта хорошая», сказала Пайпер слишком быстро.

«Она приличная», сказала Дана.

«Разве это плохо?»

«Для паспорта нет. Для стены скучновато».

Вторая рамка.

Синий, золото, линия горизонта.

Пайпер вложила в нее почти весь вечер и половину нервной системы.

Женщина в очках наклонилась.

«Эта хочет понравиться».

Пайпер нахмурилась.

«Это акварель. У нее нет социальных амбиций».

«У некоторых акварелей есть».

Дана достала третью.

Женщина в воде.

Розовые волосы расходились вокруг лица.

Глаза открыты.

Она не тонула.

Не просила помощи.

Просто смотрела.

Дана замолчала.

Пайпер сразу пожалела, что принесла именно ее.

«Нет», сказала она заранее.

Дана подняла глаза.

«Я еще ничего не сказала».

«Ты сейчас скажешь: “вот эту”».

«Вот эту».

«Нет».

«Да».

«Она странная».

«Хорошо».

«Она не закончена».

«Еще лучше».

«Она вообще не похожа на то, что вешают в кафе».

Женщина в очках сняла очки и посмотрела внимательнее.

«Зато она похожа на то, из-за чего в кафе потом спорят».

«Я не хочу, чтобы из-за меня спорили».

«Поздно. У тебя розовые волосы».

Это было несправедливо.

И, к сожалению, не совсем неправда.

Стена находилась в дальнем углу кафе, между полкой с керамическими чашками и узким окном на боковую улицу.

Пайпер представляла ее большой.

Почти выставочной.

На деле это была светлая деревянная панель с тонкой металлической рейкой сверху, несколькими маленькими крючками, карточками с именами авторов и прозрачным кармашком для отзывов.

Сверху висела табличка:

«МЕСТНЫЕ РАБОТЫ. НОВЫЕ ИМЕНА».

На рейке уже были две фотографии старых дверей, маленький рисунок пальмы и картина с чайкой.

Чайка смотрела так, будто только что получила плохое сообщение и собиралась сделать всех виноватыми.

Пайпер указала на нее.

«У чайки кризис».

Дана даже не обернулась.

«Чайку принес брат хозяйки. Мы чайку не обсуждаем».

«Почему?»

«У чайки связи».

Пайпер еще раз посмотрела на птицу.

Чайка выглядела так, будто связи у нее действительно есть.

Дана взяла первый крючок, проверила уровень и повесила аккуратную работу Пайпер.

Потом вторую.

Потом женщину в воде.

Рамка слегка качнулась.

Пайпер шагнула вперед.

«Она криво».

Дана посмотрела на уровень.

«Она ровно».

«Она выглядит криво».

«Потому что ты сейчас смотришь на нее из паники».

«Ты ужасно поддерживаешь».

«Я практичная».

Пайпер подошла ближе и тронула край рамки.

В кафе звякнула чашка.

У стойки кто-то заказал лимонный кекс.

За окном прошел мужчина с собакой, и собака явно была главной в отношениях.

А женщина в воде висела на стене.

Не у Пайпер дома.

Не в ящике.

Не на столе, где ее можно было быстро накрыть блокнотом.

На стене.

Где любой мог подойти и посмотреть.

И подумать что угодно.

Дана поставила рядом маленькую карточку.

ПАЙПЕР

Без фамилии.

Без объяснений.

Просто имя.

«Зачем карточка?» спросила Пайпер.

«Чтобы люди знали, кого хвалить».

«Или кого жалеть».

«Это уже их личная беда».

Женщина в очках похлопала Пайпер по плечу.

«Поздравляю. Теперь твоя странность официально висит в общественном месте».

«Спасибо. Очень нежно».

«Я старалась не переборщить».

Дана вернула Пайпер пустую сумку.

Пайпер сложила ее пополам и зачем-то прижала к себе, будто пустая сумка могла защитить лучше, чем полная.

Потом достала телефон, сфотографировала стену и отправила снимок Джулс и Маре.

Ответ Джулс пришел почти сразу.

«Если кто-то скажет “интересное использование синего”, уходи. Это Грант в берете».

Мара написала следом:

«Если там будет мужчина в шарфе при такой жаре, не разговаривай. Искусство делает их смелыми».

Пайпер ответила:

«Пока только чайка с тяжелой судьбой».

Джулс:

«Чайки всегда с тяжелой судьбой. Они сами ее создают».

Пайпер улыбнулась и убрала телефон.

«Тебе пора к детям», сказала Дана.

Пайпер посмотрела на время.

«Я опоздаю».

«На семь минут».

«Это плохо».

«Нет. Это искусство уже портит тебе расписание. Хороший знак».

«Я думала, искусство должно возвышать».

«Это слухи».

Пайпер еще раз посмотрела на картину.

Женщина в воде смотрела обратно.

Ни благодарности.

Ни паники.

Ни желания спрятаться.

Наглость, конечно.

К десяти пятнадцати Пайпер уже стояла у двери девочек.

Эмма открыла ей в бумажной короне, съехавшей на один глаз.

«Сегодня у нас галерея драконов», объявила она.

Пайпер замерла.

«У всех сегодня галереи?»

Зои выглянула из кухни.

«У драконов давно была потребность. Просто взрослые не слушали».

На обеденном столе лежали шесть рисунков.

Дракон в шляпе.

Дракон у стоматолога.

Дракон с зонтом.

Дракон, который плакал огнем, но, по словам Эммы, «не драматично, а по делу».

И дракон на пляже с табличкой:

«НЕ ТРОГАТЬ МОЙ ПЕСОК».

Пайпер повесила пустую сумку на стул.

«Куда будем вешать?»

Эмма показала на холодильник.

«Сюда. Это наша стена».

Пайпер посмотрела на белую дверцу холодильника.

Потом на магнит в форме лимона.

«Серьезная площадка».

«Очень», сказала Зои. «Там все видят, когда хотят молодко».

Следующий час они устраивали драконью выставку.

Эмма требовала подпись к каждой работе.

Зои настаивала, что названия не должны объяснять все слишком прямо.

Пайпер написала на бумажке:

«Дракон, которому нужно пять минут».

Эмма кивнула.

«Это я утром».

«Это все утром», сказала Пайпер.

Когда последнего дракона прикрепили к холодильнику, Эмма отступила, сложила руки на груди и сказала:

«Теперь они настоящие».

Пайпер посмотрела на нее.

«Почему?»

«Потому что их повесили».

Зои вздохнула, будто снова оказалась единственным взрослым в комнате.

«Если рисунок висит на стене, все его видят. Даже если делают вид, что нет».

Пайпер медленно взяла стакан воды.

«Тебе семь».

«Ты уже говорила».

Пайпер выпила воду и решила не спорить с детьми, которые иногда попадали точно в центр.

После работы она должна была пойти домой.

Правильный взрослый человек так бы и сделал.

Пайпер даже дошла до угла своей улицы.

Потом остановилась возле цветочного куста, открыла сумку, сделала вид, что ищет ключи, и развернулась обратно.

Она просто хотела проверить, висит ли картина.

Это был нормальный повод.

Практичный.

Взрослый.

Вообще не похожий на панику в удобной обуви.

К вечеру в кафе стало шумнее.

За стойкой звенела посуда.

У окна спорили две женщины с одинаковыми блокнотами.

У двери ребенок лежал на полу лицом вниз, а его отец стоял рядом и уважал процесс.

Пайпер вошла и сразу посмотрела на стену.

Картина висела.

Не упала.

Не треснула.

Не стала хуже от того, что люди могли ее видеть.

Это даже немного оскорбляло.

Дана заметила Пайпер из-за стойки.

«Ты не проверять».

«Конечно нет».

«Ты за кофе».

«Да».

«Кофе сегодня плохой».

«Тогда чай».

«Чай средний».

«Дана».

«Стена вон там».

Пайпер взяла холодный чай, который действительно оказался средним, и сделала круг по залу, изображая человека, которому срочно понадобилась книга.

Книги ее интересовали.

Просто не сейчас.

Сейчас ее интересовала стена.

Возле нее стоял мужчина.

Пайпер остановилась между полкой с романами и столиком с печеньем.

Мужчина был не таким, чтобы сразу испортить ей жизнь.

Это уже было подозрительно.

Не слишком красивый.

Не слишком уверенный.

Без шарфа.

Слава всем разумным силам.

Темные волосы, немного растрепанные. Серая футболка. Льняная рубашка поверх, рукава закатаны неровно. В одной

руке тарелка с лимонным кексом, в другой маленькая карточка для отзывов и карандаш.

Он смотрел на женщину в воде.

Слишком долго.

Пайпер сделала шаг назад.

Пол под ногой скрипнул так громко, будто кафе решило выдать ее с потрохами.

Мужчина повернул голову.

Пайпер схватила первую попавшуюся книгу и открыла ее.

Вверх ногами.

Он посмотрел на книгу.

Потом на нее.

Потом снова на книгу.

И ничего не сказал.

Это было вежливо.

И почему-то ужасно неудобно.

Он вернулся к стене.

Пайпер почувствовала срочную необходимость переехать в другой город у воды.

Мужчина поставил тарелку на маленький столик под стеной, что-то написал на карточке и положил ее в прозрачный кармашек для отзывов.

Потом отошел к стойке.

Пайпер подождала.

Недостаточно долго.

Потом поставила чай на ближайший столик и подошла к

стене так, будто ее туда направила невидимая комиссия.

На карточке было написано:

«Она не тонет. У нее просто плохой день и отличные волосы».

Пайпер посмотрела на строчку.

Она ожидала смущение.

Или раздражение.

Или желание снять картину со стены и спрятать ее обратно в сумку.

Вместо этого она рассмеялась.

Тихо.

Совсем не вовремя.

«Это не критика», сказал голос за ее спиной. «Я правда считаю волосы отличными».

Пайпер закрыла глаза на полсекунды.

Конечно.

Конечно, жизнь не могла просто оставить карточку и спокойно выйти из помещения.

Она повернулась.

Мужчина стоял в двух шагах от нее, уже без кекса, с новым стаканом кофе и выражением человека, который понял, что начал разговор не с той степенью подготовки.

Вблизи он оказался старше, чем показалось сначала.

Около сорока.

Глаза внимательные, но не гладкие.

Улыбка не самоуверенная.

Скорее виноватая.

Это было хуже.

С самоуверенными Пайпер уже знала, что делать.

Их можно было распознать по тому, как они занимали воздух.

Этот воздух не занимал.

Он просто стоял рядом.

«Вы автор?» спросил он.

Пайпер посмотрела на карточку.

«А вы всегда оставляете отзывы на людей, которые не могут ответить?»

«Только если у них отличные волосы».

«Она в рамке».

«Да. Это немного осложнило разговор».

Пайпер не хотела улыбаться.

Улыбнулась.

Непростительно.

«Вы понимаете, что это очень странное начало разговора?»

«Да», сказал он. «Я понял это примерно на слове “тонет”».

«И все равно продолжили?»

«Я надеялся, что уверенный тон спасет ситуацию».

«Не спас».

«Тогда будем считать, что я хотя бы провалился спокойно».

Пайпер почти рассмеялась второй раз.

Почти.

У стойки Дана громко поставила чашку на блюде.

Слишком громко.

Пайпер не посмотрела в ее сторону. Она и так знала, что Дана наслаждается каждым вдохом.

Мужчина тоже услышал звук и слегка повернул голову.

«За нами наблюдают?»

«В этом кафе за всеми наблюдают».

«Хорошо знать».

«Вы здесь впервые?»

«В кафе почти».

«Почти впервые звучит подозрительно».

«Тогда я буду вести себя осторожно».

Он сказал это легко.

Без намека.

Без попытки сделать фразу значительнее, чем она была.

Просто шутка, которую можно было оставить на столе.

Пайпер вдруг вспомнила, что все еще держит книгу вверх ногами.

Мужчина тоже это заметил.

Его взгляд упал на обложку.

Потом быстро вернулся к ее лицу.

Он ничего не сказал.

Очень вежливо.

Очень раздражающе.

Пайпер подняла книгу.

«Я читаю экспериментально».

«Вижу».

«Так сложнее предугадать сюжет».

«Уважаю метод».

Она закрыла книгу и поставила ее обратно на полку.

Пора было уйти.

Она пришла только проверить картину.

Картина висела.

Карточка была написана.

Мужчина существовал.

Этого было достаточно.

«Спасибо за отзыв», сказала Пайпер.

«Пожалуйста».

«И за то, что не использовали слово “интересно”».

Он нахмурился.

«Оно запрещено?»

«Очень высоко в списке».

«Тогда рад, что случайно избежал провала».

Пайпер взяла карточку.

Потом поняла, что взяла карточку.

Потом уже было поздно класть ее обратно, не выглядя человеком, который проиграл маленькому прямоугольнику бумаги.

Мужчина заметил.

Конечно.

Но снова ничего не сказал.

Пайпер решила, что это уже начинает быть его личным недостатком.

«Вы не спросили мое имя», сказала она.

«Оно написано под работой».

Пайпер посмотрела вниз.

Под ее картинами действительно стояла маленькая карточка.

ПАЙПЕР

Без фамилии.

Без объяснений.

Дана.

Конечно.

«А ваше?» спросила Пайпер.

Он выглядел так, будто вопрос застал его врасплох.

Что было странно.

Люди обычно имели имена заранее.

«Адам», сказал он.

Пайпер кивнула.

«Адам с карточкой».

«Пайпер с женщиной в воде».

Они посмотрели друг на друга.

Один лишний удар сердца.

Не больше.

Пайпер отступила первой.

«Я ухожу».

«Хорошо».

«Это не приглашение остановить меня».

«Я понял».

«Правда?»

«Да. Я тренируюсь не становиться проблемой в первые пять минут».

Пайпер замерла.

Это было опасно.

Не потому что красиво.

Потому что смешно.

И слишком похоже на правду.

Она посмотрела на него еще раз.

Потом на Дану, которая у стойки делала вид, что противит одно и то же место уже слишком долго.

Потом на женщину в воде.

Та все еще смотрела.

Пайпер вышла из кафе с карточкой в руке.

На улице стало темнее.

Скутер пронесся мимо.

У соседнего дома кто-то рассмеялся.

Город у воды продолжал вести себя так, будто ничего особенного не произошло.

Пайпер посмотрела на карточку.

«Она не тонет. У нее просто плохой день и отличные волосы».

Глупая фраза.

Совершенно несерьезная.

Почти нахальная.

И все же Пайпер улыбнулась.

Она пришла проверить картину.

А ушла с именем мужчины, которого обещала себе не забывать.

Глава 2. Воскресенье принадлежит пиратам

В воскресенье утром карточка Адама лежала на кухонном столе.

Пайпер успела три раза переставить ее.

Сначала положила под кружку.

Потом убрала в ящик.

Потом достала обратно, потому что ящик выглядел слишком драматично.

На карточке было написано:

«Она не тонет. У нее просто плохой день и отличные волосы».

Глупая фраза.

Несерьезная.

Почти нахальная.

И, к сожалению, она все еще ей нравилась.

Пайпер посмотрела на карточку, потом на пластиковый пиратский сундук у двери, моток веревки на стуле и пакет шоколадных монет на кухонной стойке.

«Нет», сказала она карточке.

Карточка ничего не ответила.

Пайпер сунула ее в боковой карман сумки и решила, что сегодня будет думать о детях.

Дети были понятнее.

Иногда громче.

Иногда липкие.

Иногда пытались есть предметы, которые есть не нужно.

Но все равно понятнее.

Первое воскресное приключение началось с двенадцати детей, одного пластикового сундука с золотыми наклейками, трех родителей, которые делали вид, что не контролируют процесс, и уверенности, которой у Пайпер пока не было.

К девяти ноль семь один ребенок уже спросил, могут ли пираты подать в суд.

Другой хотел знать, считается ли сокровище сокровищем, если оно эмоциональное.

А Тео, в пиратской шляпе с прошлой недели, заявил с серьезностью маленького начальника порта, что не будет выполнять подсказки, написанные «властями».

Пайпер стояла посреди небольшого сквера у пляжа, держа в руках моток веревки, папку-планшет и остатки своего спокойствия.

Утро было ярким и уже теплым.

Пальмы.

Песчаные дорожки.

Старый фонтан, который журчал так устало, будто тоже хотел выходной.

Бирюзовая скамейка, когда-то покрашенная с надеждой, а потом медленно проигравшая влажности.

И маленькая деревянная табличка, которую Пайпер делала почти в полночь:

«ТРЕБУЮТСЯ ПИРАТЫ.
ОПЫТ НЕ ОБЯЗАТЕЛЕН».

Она планировала это всю неделю.

Нарисовала карты.

Сделала карточки с подсказками.

Написала фальшивое письмо от пиратского капитана.

Подпалила края бумаги свечой и почти подпалила большой палец.

Придумала маршрут через сквер, по дорожке у пляжа и к большому бревну у дюн, где финальный сундук был спрятан под синим полотенцем. Полотенце очень плохо притворялось частью пейзажа.

Пока она готовила все это дома, идея казалась слегка нелепой.

Теперь, при дневном свете, когда дети уже шумели, спорили, бегали кругами, а родители стояли поодаль с холодным кофе, это казалось либо гениальным, либо опасным для ее репутации.

Возможно, и тем и другим.

Эмма прибежала первой.

Уже запыхавшаяся.

Уже счастливая.

Уже с таким видом, будто радость должна входить в сцену раньше объяснений.

«Я сказала маме, что пираты это почти морские детективы», сообщила она вместо приветствия.

«Отличное позиционирование», сказала Пайпер. Следом подошла Зои с карандашом и блокнотом. Пайпер посмотрела на блокнот.

«Это зачем?»

«Для записей».

«Каких?»

«Ошибок».

Ну конечно.

Через пять минут вся команда стояла у стартовой точки.

Эмма.

Зои.

Тео.

Тихая Айла в шляпе размером с маленькую спутниковую тарелку.

Два брата, которые выглядели так, будто их собрала из песка сама площадка.

Мейсон, успевший сообщить, что у его отца есть лодка.

И еще несколько детей, которые двигались группами, говорили одновременно и пахли кремом от солнца, травой и готовностью к мятежу.

Пайпер хлопнула в ладоши.

«Итак, пираты».

Тео прищурился.

«Я не пират. Я независимый капитан».

Пайпер кивнула.

«Тогда тебе еще сложнее будет подчиняться правилам».

Трое родителей рассмеялись.

Тео не рассмеялся. Тео относился к власти серьезно.

Пайпер развернула письмо.

«Слушайте внимательно», сказала она своим лучшим драматическим голосом. «Сегодня утром пропало очень важное сокровище».

Мейсон поднял руку.

«Какое?»

«Это засекречено».

Тео сказал:

«Золото».

Зои сказала:

«Что-нибудь образовательное».

Эмма ахнула.

«А вдруг оно проклятое?»

Пайпер посмотрела на лица перед собой.

Возбужденные.

Скептические.

Подозрительные.

Дикие.

И вдруг почувствовала маленький прилив счастья.

Вот с таким хаосом ей было легко.

Его не нужно было потом расшифровывать.

Она прочитала письмо от капитана Мэри Флинт, кото-

рая много лет назад спрятала сокровище, но теперь не могла вспомнить где именно из-за «одного досадного происшествия с кокосом». Команде нужно было найти пять подсказок, пройти одно испытание и добраться до сундука раньше ленивых морских призраков.

На словах «ленивые морские призраки» половина детей закричала от восторга.

Один младший мальчик спросил, умеют ли призраки плавать.

Пайпер посмотрела на него.

«Если очень постараются».

Это его устроило.

А потом время сорвалось с места.

Дети не шли по маршруту.

Они атаковали его.

У фонтана кто-то нашел первую подсказку и сразу обвинил Мейсона в том, что он «слишком подозрительно стоит».

Под бирюзовой скамейкой Тео обнаружил вторую карточку и поднял ее с таким видом, будто лично победил морское право.

«Читай!» крикнула Эмма.

«Нет», сказал Тео. «Я нашел».

«Так чтение не работает», сказала Зои.

Пайпер успела назначить Тео капитаном, Зои официальным летописцем, а Эмму главным специалистом по проклятиям, прежде чем спор превратился в маленький государ-

ственный переворот.

У пальм дети пересчитывали красные ленточки на ветках.

Два брата пытались угадать число.

Айла молча дала правильный ответ и выглядела удивленной, что мир наконец признал факты.

Испытание с веревкой провалилось прекрасно.

Пайпер протянула линию по песку и объявила, что за ней акуля вода.

Эмма немедленно сказала, что веревка «символическая».

Один из братьев прыгнул через всю линию и приземлился так, будто земля давно ждала этого момента.

Тео дошел до середины, повернулся и спросил:

«Капитаны получают баллы за стиль?»

«Да», сказала Пайпер. «Но не если спрашивают».

После этого он упал с принципиальным видом.

Родители сначала держались на расстоянии.

Потом начали снимать.

Потом уже смеялись не прячась.

Одна мама прошептала:

«Мейсон еще никогда не был таким тихим».

Мейсон в этот момент копал под кустом с лицом маленького преступника.

Пайпер двигалась между всеми.

Привязывала обратно ленточки.

Читала подсказки пиратским голосом.

Останавливала ребенка, который решил попробовать вос-

ковую печать на вкус.

Объясняла уже в третий раз, что карта сокровищ не является предметом голосования.

И где-то между фонтаном, веревкой и ленивыми призраками она перестала наблюдать за собой со стороны.

Не думала, как выглядит.

Не ждала оценки.

Не пыталась понять, достаточно ли она интересная.

Она была нужна.

Прямо сейчас.

Для карты.

Для кокосового происшествия.

Для того, чтобы ленивые морские призраки не победили.

И это ощущалось лучше, чем быть интересной мужчине в хорошей рубашке.

Финальная подсказка привела детей к большому бревну у дюн.

И, конечно, к спору о том, кто имеет право открыть сундук.

Тео утверждал, что лидерство должно быть вознаграждено.

Эмма утверждала, что воображение тоже лидерство.

Зои сказала, что технически она решила больше подсказок, чем все остальные, и хотела бы, чтобы все перестали игнорировать факты.

Пайпер посмотрела на двенадцать покрасневшихся лиц

под солнцем и внезапно вспомнила все взрослые совещания, которые ей когда-либо приходилось пережить.

Удивительно, подумала она.

Это начинается так рано.

Она присела на песок.

«Стоп. Все. На одну секунду».

Они остановились.

Почти.

«Сокровище принадлежит всей команде».

Тео скрестил руки.

«Это звучит как дележка без уважения к капитану».

Пайпер закрыла глаза на один короткий миг.

«Где ты это слышишь?»

«Внутри себя», сказал он с полной уверенностью.

Эмма зажала рот рукой.

Зои вздохнула как крошечный адвокат.

Пайпер открыла сундук сама.

Внутри лежали шоколадные монеты, пластиковые кольца, пиратские наклейки, маленькие компасы и блестящие ластик-ки в форме ракушек, которые она купила спонтанно и почти сразу пожалела.

Дети закричали так, будто она открыла портал к абсолютной свободе.

Спор закончился.

На несколько минут сквер превратился в хаос награды.

Шоколад.

Карты.

Дети, которые менялись наклейками с холодной решимостью начинающих брокеров.

Тео с тремя пластиковыми кольцами на пальцах.

Эмма с двумя наклейками-усами на коленях, которые она назвала «пиратскими дядями».

Зои, исправляющая карандашом орфографию в письме капитана Флинт.

Пайпер стояла чуть в стороне.

Потная.

С волосами, прилипшими к шее.

С кремом от солнца, размазанным на одном плече.

И с тихим ощущением, будто внутри открылась маленькая дверь.

Не озарение.

Просто доказательство.

Она еще могла делать что-то настоящее.

Не потому что кто-то выбирал ее.

Не потому что кто-то смотрел на нее нужным взглядом.

А потому что двенадцать детей сейчас верили, что она знает, где спрятано сокровище.

И, честно говоря, это была власть.

К ней подошла одна из мам.

«Это было прекрасно», сказала женщина. «Вы будете делать такое еще?»

Пайпер моргнула.

«В следующее воскресенье?»

Женщина улыбнулась.

«Вы скажите. Половина этих детей устроит бунт, если нет».

Пайпер посмотрела на группу.

Тео пытался организовать всех по морским званиям.

Эмма доказывала, что ее колени теперь родственники.

Зои исправляла слово «кокос» в пиратском письме.

Пайпер рассмеялась.

«Да», сказала она. «Похоже, буду».

Мама подняла телефон и сделала фото детей вокруг сундука.

Потом почти машинально отправила его кому-то с маленькой улыбкой.

«Нашли», написала она.

Пайпер увидела сообщение всего на секунду.

Но секунды хватило.

Она не сразу подумала об одиночестве.

Сначала один из братьев наступил на карту.

Потом Айла потеряла компас, который был у нее в руке.

Потом Тео потребовал, чтобы его называли не просто капитаном, а «капитаном с доказанной историей успеха».

Пайпер смеялась.

Раздавала остатки наклеек.

Отлепляла кусочек шоколадной фольги от своей футболки.

Помогала кому-то найти сандалию, хотя сандалия стояла прямо рядом с его ногой.

И только когда родители начали расходиться, шум стал уходить кусками.

Сначала ушел Мейсон с мамой и телефоном.

Потом два брата, один из которых нес кольцо на большом пальце ноги.

Потом Айла, крепко сжимая компас так, будто теперь от-вечала за весь юг.

Сквер снова стал обычным сквером.

Пальмы.

Скамейка.

Фонтан.

Пластиковый сундук у ног Пайпер.

Тишина после громкой радости всегда казалась немного резкой.

Пайпер собрала карточки с подсказками, отвязала две забытые ленточки и достала из-под скамейки компас, который кто-то бросил после одной минуты владения.

На локте у нее обнаружилась пиратская наклейка.

Черный ус.

Она посмотрела на него и рассмеялась.

Потом смех стих.

Она достала телефон.

Хотела сфотографировать пустой сундук.

Отправить Джулс.

Или Маре.

Или просто кому-то, кто скажет: «Ты это сделала».

Пайпер подержала телефон в руке.

Потом опустила его.

Хороший день не всегда становился легче от того, что им не с кем поделиться.

Телефон завибрировал.

Лукас.

«Дети устроили мятеж или демократия выжила?»

Пайпер улыбнулась.

Не широко.

Но сразу.

«Демократии не было. Сильное пиратское государство. Умеренные шоколадные потери».

Ответ пришел быстро.

«Хорошо. Дети уважают четкие правила. Взрослым стоит поучиться».

Пайпер посмотрела на сообщение.

Раньше она бы начала ждать следующую фразу.

Теперь просто улыбнулась и убрала телефон.

Лукас был хорош тем, что не превращал каждое сообщение в ожидание следующего.

Пайпер взяла сундук под мышку и пошла обратно к дорожке.

На полпути мужчина за столиком у маленького кофейного киоска поднял глаза от холодного напитка и сказал:

«Вы та самая пиратская женщина, да?»

Пайпер притормозила.

Ему было около тридцати.

Загорелый.

Бейсболка.

Хорошие плечи.

И выражение человека, который еще не узнал, что уверенное начало не всегда спасает предложение.

Она удобнее перехватила сундук.

«Смотря кто спрашивает».

Он улыбнулся.

«Я видел все отсюда. Вы правда классно справляетесь с детьми».

«Это часть бизнес-модели».

«Серьезно. Было впечатляюще. Не каждая женщина может устроить такой организованный хаос и при этом выглядеть мило».

Почти нормальная фраза.

Пока он не добавил про «мило».

Пайпер промолчала.

Он сделал шаг ближе.

«Вы часто здесь бываете?»

Не ужасно.

Но знакомо.

Она посмотрела на него, потом на киоск, потом на сундук под мышкой.

«Достаточно», сказала она.

Он рассмеялся.

«Мне нравится».

Конечно.

Пайпер улыбнулась вежливо.

«Что ж, мне пора закончить дележку краденого среди несовершеннолетних».

Он широко улыбнулся.

«Горячо звучит».

Вот и все.

Он испортил разговор быстрее, чем успел представиться.

Пайпер посмотрела на него спокойно.

«Вы были так близко к нормальному разговору», сказала она.

Он моргнул.

«Что?»

«Очень близко».

«Я пошутил».

«Я поняла. В этом и проблема».

Она не стала объяснять дальше.

Не стала читать лекцию.

Просто пошла дальше.

Не быстро.

Не эффектно.

Просто ушла.

Когда она дошла до дорожки, сердце билось чуть быстрее.

Не от страха.

От раздражения и чистого облегчения.

Прогресс, подумала Пайпер, это когда мужчина успевает показать себя до того, как ты успеваешь придумать ему оправдание.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз Джулс.

«Как прошло пиратское воскресенье?»

Пайпер продолжала идти и набрала одной рукой:

«Дети великолепны. Сокровище найдено. Один взрослый мужчина уже провалил обычный разговор у кофейного киоска».

Три точки.

Джулс:

«Прекрасно. Ничего нового в природе».

Пайпер рассмеялась себе под нос и пошла дальше.

Сундук легко стукнул ее по бедру.

Море ярко блестело слева.

День еще не закончился.

И это почему-то было одновременно хорошо и подозрительно.

Дома Пайпер вытряхнула из сундука оставшиеся ленточки, одну мятую карту, два фантика от шоколадных монет и ластик в форме ракушки, который каким-то образом выжил.

На пол выпала карточка.

Не пиратская.

Та самая.

Пайпер наклонилась и подняла ее.

«Она не тонет. У нее просто плохой день и отличные волосы».

Она посмотрела на карточку.

Потом на пустой сундук.

Потом на пиратскую наклейку с усами, которую так и не сняла с локтя.

Пиратское воскресенье закончилось.

А имя Адама, к сожалению, все еще числилось в команде.

Глава 3. Пятая минута

Через три дня после пиратского воскресенья Пайпер обнаружила кое-что полезное о покое.

Мужчины все равно находили способ его нарушить.

Среда выдалась слишком красивой для серьезных решений. Утром она отработала с девочками, выслушала спор Эммы и Зои о том, может ли дракон официально владеть аптечкой, потом пообещала себе не заходить в кафе без причины.

И не зашла.

Это уже можно было считать личным достижением.

Карточка Адама лежала дома в ящике.

Не потому что Пайпер пыталась ее спрятать.

Просто если карточка лежала на столе, она слишком часто оказывалась в поле зрения. А если что-то слишком часто оказывалось в поле зрения, мозг Пайпер начинал придумывать лишние сцены.

После обеда она пришла на пляж одна.

С книгой.

Полотенцем.

Бутылкой воды.

И твердым намерением два часа подряд не быть доступной ни для чего сложнее крема от солнца.

Пляж был полон ленивой уверенности, которая появля-

лась только в дни, когда погода слишком хороша и ни у кого нет убедительной причины сидеть дома.

Туристы подрумывались на полотенцах.

Дети строили песочные империи с нестабильной политической системой.

У самой воды кто-то долго спорил с надувным кругом, и круг, кажется, побеждал.

Где-то у дорожки портативная колонка заставляла всех вокруг участвовать в чужих музыкальных решениях.

Пайпер расстелила полотенце ближе к воде, но не настолько близко, чтобы волна могла доказать ей, что она переоценила ситуацию.

Она успела искупаться.

Высушить волосы на солнце.

Открыть книгу.

Прочитать одну страницу.

Понять, что не помнит ни одного слова.

И все равно почувствовать себя почти счастливой.

Вот так, подумала она.

Наверное, так и выглядит восстановление.

Не новая жизнь с музыкой на фоне.

Не большое внутреннее озарение.

Просто женщина лежит на животе в жару, уткнувшись щекой в руки, и никто не просит ее разбирать чей-то тон сообщения.

Она закрыла глаза.

Чайка заорала где-то над водой.

Волна пришла и ушла.

Рядом кто-то рассмеялся тем особенным смехом, которым женщина иногда сообщает миру, что уже жалеет о мужчине рядом, но пока еще делает вид, что это весело.

Пайпер открыла один глаз.

Перевернула страницу, которую не читала.

И в этот момент на книгу упала тень.

Не огромная.

Не драматичная.

Просто достаточно близкая, чтобы показаться нахальной.

Пайпер подняла глаза.

Перед ней стоял мужчина.

Лет тридцать пять. Может, чуть меньше. Хороший загар, шорты для плавания, кепка, белый браслет какого-то отеля на запястье. Лицо из тех, которым было бы полезно иногда не быть уверенными в результате.

«Привет», сказал он и улыбнулся так, будто она уже согласилась участвовать.

Пайпер приподняла солнцезащитные очки.

«Привет».

«Я видел тебя здесь раньше».

Почти нормально.

Пайпер села чуть ровнее и посмотрела в сторону воды.

«Правда?»

«Да. Ты всегда выглядишь так, будто думаешь о чем-то

сложном».

Для пляжного знакомства это было не худшее начало. В этом городе такая фраза почти считалась культурной. «Обычно я решаю, стоит ли вода того, чтобы до нее идти». Он рассмеялся.

«Можно сесть?»

Пайпер посмотрела на свое полотенце.

Потом на полоску песка рядом. Формально она никому не принадлежала. Эмоционально она принадлежала каждой женщине, которая пыталась избежать именно этого вопроса.

«Песок общий», сказала она.

Он воспринял это как приглашение и сел, не дожидаясь, пока ответ окончательно примет форму.

Вот она.

Тихая мужская уверенность, что место рядом уже почти его.

Пайпер осталась на месте.

Не потому что ей стало интересно.

А потому что иногда первые минуты уходили не на разговор, а на диагностику: человек просто уверенный, социально глуховатый, слегка раздражающий или уже готовится стать историей для подруг.

«Я Брент», сказал он.

Конечно.

«Пайпер».

Он быстро скользнул по ней взглядом. Волосы, плечи, ку-

пальник, лицо. Потом снова улыбнулся.

«Тебе идет это имя».

Почти нормально.

«Спасибо».

«Ты здесь одна?»

Пайпер вдохнула через нос.

Классика.

Не красный флаг.

Пока нет.

Просто попытка установить, является ли женщина одна еще и свободной территорией.

«Да».

«Парень нигде не спрятан?»

«Пиратский муж под песком не числится».

Он рассмеялся слишком громко.

Вот первая трещина.

Брент откинулся на ладони и посмотрел на воду так, будто изображал расслабленность по памяти.

«Я тут с друзьями», сказал он. «Но увидел тебя и подумал: если не подойду, буду трусом».

Пайпер отдала ему должное.

Фраза была чистая.

Не хорошая.

Но чистая.

«Поздравляю с храбростью».

Он ухмыльнулся.

«Ты смешная».

«И слегка подгоревшая. Жизнь многогранна».

Он снова рассмеялся.

Пайпер посмотрела на книгу.

Не потому что хотела читать.

Потому что хотела, чтобы он заметил книгу.

Он не заметил.

Вместо этого взял горсть песка и стал пропускать его сквозь пальцы с видом человека, который однажды услышал, что паузы делают флирт глубже.

«Ты не похожа на туристку», сказал он.

«Потому что я здесь живу».

«Нет, я про твою энергию».

Вот оно.

Фраза, в которую можно было вложить что угодно.

Комплимент.

Самодовольство.

Попытку казаться глубже, чем есть.

«И что это значит?» спросила Пайпер.

Он наклонил голову, явно выбирая слово, которое должно было показать его с лучшей стороны.

«Ты менее очевидная».

Пайпер застыла на секунду.

Потом вежливо улыбнулась.

«Звучит как фраза, которую удобно говорить женщинам у воды».

Он прижал руку к груди.

«Ты ранишь меня».

«Пока нет».

Он опять рассмеялся.

Он правда думал, что у них все идет хорошо.

Рядом закричали девушки, когда на них накатила волна.

Где-то у киоска завизжал блендер.

Мальчик пробежал мимо с неоновой лопаткой в руке, как реквизит из дешевого фильма про конец света.

Брент чуть понизил голос.

«Что делаешь потом?»

Вот и оно.

Пайпер посмотрела на него поверх очков.

«Потом это когда?»

«Сегодня».

Она на секунду подумала соврать.

Не потому что должна была быть мягкой.

А потому что некоторым мужчинам проще понять границу, если им кажется, что ее уже поставил другой мужчина.

Но Пайпер устала пользоваться воображаемым парнем для защиты собственного «нет».

«Пойду домой», сказала она.

Брент кивнул так, будто это была всего лишь мелкая деталь на пути к его плану.

«Я остановился в отеле недалеко отсюда».

Пайпер ничего не сказала.

Он улыбнулся и понизил голос еще сильнее, будто если говорить тише, это уже интимность.

«Можешь зайти ко мне ненадолго. Там тише».

Вот и все.

Не кофе.

Не прогулка.

Не вода в киоске.

Даже не вежливая легенда про общественное место.

Просто «ко мне» меньше чем через пять минут.

С расслабленной уверенностью человека, который считал это не провалом, а эффективностью.

Пайпер смотрела на него.

Чайки кричали.

Море продолжало приходить и уходить.

Позади Брента женщина в желтом купальнике ела чипсы так сосредоточенно, будто они спасали ее от важных решений.

Все вокруг оставалось обычным пляжным днем.

Именно это всегда делало такие моменты странными.

Мужчина мог сказать глупость посреди белого дня, а мир даже не менял освещение.

Брент, приняв ее молчание за раздумье, улыбнулся шире.

«Я же просто предлагаю повеселиться».

Пайпер медленно сняла очки.

Тон сразу изменился.

Мужчины часто ждали, что женщина смягчит, отшутится,

отведет взгляд или начнет объяснять, почему ей неудобно.

С прямым взглядом они иногда справлялись хуже.

«Можно спросить?» сказала она.

Брент моргнул.

«Конечно».

Пайпер открыла рот.

И на секунду не нашла фразу.

Это взбесило ее сильнее, чем сам Брент.

Потому что правильный ответ всегда приходил либо слишком поздно, либо в душе, либо когда мужчина уже успел уйти с чувством, что беседа прошла успешно.

Она взяла бутылку воды, сделала глоток и поставила ее обратно на песок.

«Ты слышишь себя до того, как говоришь такие вещи?» спросила она наконец. «Или это происходит слишком быстро?»

Он уставился на нее.

«Что?»

«Ты подошел, сел рядом, хотя я тебя не приглашала, поговорил со мной несколько минут и предложил зайти к тебе в отель так, будто предложил купить воды».

Его выражение чуть изменилось.

Уверенность отступила на шаг, и под ней показался механизм.

«Я просто прямой».

Пайпер кивнула.

«Мужчины очень любят это слово».

Он коротко рассмеялся, но смех уже стал тоньше.

«Я просто почувствовал вайб».

Пайпер посмотрела на него.

«Нет», сказала она. «Ты почувствовал скорость».

Это попало.

Не потому что было жестоко.

Потому что было достаточно точно.

Брент сдвинулся на песке.

«Ты сама делаешь это странным».

Пайпер почти улыбнулась.

Еще одна классика.

Женщина не отказывается от неприятной ситуации. Она портит атмосферу неприятной ситуации.

«Нет», сказала она. «Станным это сделал ты. Я просто первая произнесла это вслух».

Две женщины на соседнем полотенце притихли тем самым незаметным женским способом, когда чужой неприятный разговор внезапно становится общим делом.

Брент тоже это заметил.

Плечи у него изменились.

Совсем немного.

Но достаточно.

«Ладно», сказал он. «Извини, если обидел».

«Ты меня не обидел», сказала Пайпер. «Ты почти минуту звучал нормально. Жаль, что не удержался».

Вот это ему уже не понравилось.

Он встал слишком резко и начал стряхивать песок с ног, будто песок был виноват.

«Как хочешь».

Пайпер взяла книгу.

«Именно».

Он задержался еще на секунду, явно искал фразу для эффектного ухода, но не нашел ничего подходящего в короткие сроки.

Потом развернулся и пошел к дорожке.

Уже не мужчина, который легко скользит по пляжу в уверенности, что мир рад его появлению.

Просто парень в шортах для плавания, возвращающийся туда, где кто-то когда-то научил его путать напор с интересом.

Пайпер посмотрела ему вслед ровно одну секунду.

Потом снова надела очки и открыла книгу.

Песок прилип к странице.

Она стерла его большим пальцем.

Рука раздражающе дрогнула.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы Пайпер это заметила.

Она злилась.

Не на то, что отказала.

На то, что он все равно успел забрать кусок ее покоя.

Женщина с соседнего полотенца едва заметно кивнула ей.

Пайпер кивнула в ответ.

Женщина подняла одну чипсину, как маленький флаг, и вернулась к своей жизни.

Пайпер улыбнулась.

На странице перед ней по-прежнему не складывалось ни одного предложения.

Но в груди стало свободнее.

Месяц назад такой разговор мог бы остаться с ней на весь день.

Не потому что Brent был важен.

А потому что иногда чужая наглость уходила быстро, а след от нее оставался надолго.

Сегодня он продержался не дольше крема от солнца.

Это было неплохо.

Телефон завибрировал рядом с полотенцем.

Джулс.

«Как проходит твоя пенсия?»

Пайпер набрала:

«Сильно. Один пляжный мужчина предложил отель на пятой минуте знакомства».

Ответ пришел почти сразу.

«Пляж остается опасной экосистемой».

Пайпер тихо рассмеялась и положила телефон рядом с книгой.

Вода блестела так ярко, будто делала это назло.

Дети снова кричали.

Вдалеке облако было похоже на утку в смешной шляпе.

Пайпер прищурилась.

И это тоже было прогрессом.

Она взяла паузу от мужчин.

Мужчины, очевидно, паузу от нее не брали.

Пайпер легла обратно, вытянула ноги и позволила жару снова лечь на кожу.

Пляж продолжал вести себя так, будто человеческая нелепость была частью обычного дня.

Телефон снова завибрировал.

Пайпер посмотрела на экран с осторожностью человека, который уже получил от среды достаточно информации.

Дана.

«Докладываю как ответственный куратор стены».

Пайпер приподнялась на локтях.

«Что случилось?»

Ответ пришел не сразу.

«Мужчина с маффином сегодня заходил».

Пайпер посмотрела на море.

Потом на телефон.

Потом снова на море, как будто оно могло сделать вид, что сообщения не существует.

«У него есть имя».

Дана:

«У маффина?»

Пайпер не хотела улыбаться.

Улыбнулась.

«Дана».

«Ладно. Адам заходил».

Пайпер уставилась на экран дольше, чем было разумно.

Потом набрала:

«И?»

Дана:

«Стоял у твоей картины».

Пайпер не ответила.

Дана продолжила:

«Долго».

Пайпер поймала себя на том, что задержала дыхание, и немедленно разозлилась.

Нелепо.

Совершенно нелепо.

Сегодня она уже разобралась с мужчиной, который предложил отель на пятой минуте. Ей не нужно было переживать из-за мужчины, который когда-то написал одну странную карточку про волосы.

«Это уже начинает звучать как протокол наблюдения».

«Я профессионал».

«Он что-то сказал?»

На этот раз пауза была длиннее.

Пайпер положила телефон на книгу.

Потом тут же взяла обратно.

Песчинка прилипла к экрану.

Она стерла ее краем полотенца.

Телефон мигнул.

Дана:

«Он спросил, будут ли новые работы».

Пайпер смотрела на экран.

Не где она бывает.

Не свободна ли она вечером.

Не как с ней связаться.

Новые работы.

Она медленно опустилась обратно на полотенце.

Положила телефон на книгу экраном вниз.

Продержалась почти десять секунд.

Потом снова перевернула.

Сообщение Даны никуда не делось.

«Он спросил, будут ли новые работы».

Пайпер перечитала его.

Потом еще раз.

Брент хотел зайти в ее день.

Адам почему-то смотрел на то, что она сделала.

И это было намного опаснее.

Глава 4. Тишина, которую можно повесить

В субботу город у воды ненадолго стал честным.

Облака спустились низко, закрыли привычный блеск и сделали все вокруг мягче, серее и гораздо менее самодовольным.

Пайпер нравились такие дни.

В плохую погоду город переставал выглядеть как открытка, которая слишком старается убедить женщин, что их жизнь тоже должна быть красивой под правильным углом.

Море темнело.

Пальмы устало шевелились.

Туристы ходили чуть медленнее и уже не казались людьми, которым выдали отпуск вместе с инструкцией по счастью.

С пляжной среды прошло три дня.

С сообщения Даны про Адама тоже.

Три дня Пайпер не заходила в кафе со стеной.

Ни случайно.

Ни «просто мимо проходила».

Ни «вдруг там хороший кофе».

Это было уже почти дисциплиной.

Утро оказалось свободным. Смена с девочками начина-

лась только ближе к вечеру. Воскресные пираты еще не требовали карт, веревок и моральной подготовки. Сообщений, которые стоило превращать в событие, тоже не было.

Пайпер надела свободную рубашку поверх купальника, собрала розовые волосы в небрежный узел и пошла в маленькую кофейню у угла.

Не ту, где висела ее картина.

Это было важно.

В этой кофейне не было стены.

Не было Даны.

Не было прозрачного держателя для карточек.

И, насколько Пайпер знала, там не было мужчин с маффи-нами, которые спрашивали про новые работы.

Зато там был кот.

Конечно, он был.

Кот не принадлежал никому и всем сразу. Большой, полосатый, с рваным левым ухом и выражением существа, которое видело слишком много женщин над холодным кофе и давно перестало считать это событием.

Он растянулся на синем деревянном стуле у входа так, будто платил за него презрением.

Пайпер остановилась рядом.

«Ну что», сказала она, «уже осуждаешь?»

Кот открыл один глаз.

Этот глаз говорил: «А ты опять решила учиться одному и тому же в другой погоде?»

Пайпер все равно почесала его за ухом.

Внутри кофейни было прохладно. Старое здание у моря делало вид, что справляется с жарой, пока влажность терпеливо ждала за дверью.

Где-то за стойкой визжал блендер.

Две женщины в льняных платьях разговаривали у витрины с выпечкой такими голосами, что Пайпер сразу поняла: одну из них недавно обманул мужчина с хорошими плечами, и теперь подруга собиралась говорить правду без права на возражение.

Пайпер заказала холодный кофе и кусок бананового хлеба, который ей не был нужен.

Вышла наружу.

Кот не сдвинулся.

Он посмотрел, как она ставит кофе на стол, потом аккуратно спрыгнул со стула, обошел ее ноги и запрыгнул на стул напротив.

Будто это была назначенная встреча.

«Отлично», сказала Пайпер. «Я ценю прямых мужчин».

Кот моргнул.

Начался дождь.

Не сильный.

Такой, который не заставлял людей бежать внутрь, но менял запах воздуха.

Мокрые листья.

Теплый камень.

Соль.

Что-то зеленое, обычно спрятанное под жарой.

Пайпер размешала кофе и посмотрела на улицу.

Мимо прошла пара под одним зонтом. Они двигались тем особым парным шагом, когда один человек мокнет больше, уже злится, а второй делает вид, что не замечает.

Скутер проехал по мелкой луже.

В сувенирной лавке через дорогу кто-то рассмеялся так громко, будто еще не проверял состояние банковского счета.

Пайпер сделала глоток кофе и позволила утру просто быть утром.

Не паузой перед сообщением.

Не промежутком между мужскими появлениями.

Не доказательством, что она прекрасно справляется.

Просто утром.

Кофе.

Дождь.

Кот напротив.

Холодная стеклянная чашка в руке.

Это должно было ощущаться как победа.

В основном так и было.

В основном.

Покой, как выяснялось, часто приходил раньше свидетеля.

Вот где болело.

Не мужчина.

Не любовь.

Не отсутствие романа с красивой обложкой.

Просто некому было легко передать момент.

Посмотри на эту пару с зонтом.

Посмотри на этого грубого кота.

Послушай, как дождь делает город нормальным.

Скажи что-нибудь ненужное.

Из кофейни вышла официантка с тряпкой в руке и посмотрела на кота.

«Он вас любит».

Пайпер посмотрела на кота.

«Он любит банановый хлеб».

Официантка пожала плечами.

«Обычно он выбирает одиноких туристок».

«Звучит лично».

«Я по-доброму».

Пайпер улыбнулась.

Официантка протерла соседний стол и добавила:

«Вы здесь живете, да?»

«Да».

«По вам видно».

Пайпер подняла глаза.

«Что именно?»

«Вы еще решаете, ваше ли это место. А тело уже переехало».

Официантка ушла внутрь, а фраза осталась сидеть за сто-

лом вместе с Пайпер, котом и ненужным банановым хлебом.

Пайпер посмотрела на свои влажные шлепанцы.

На кота, который теперь умывал лапу с видом чиновника над скучным документом.

На дождь, темными пятнами ложившийся на улицу.

Может, официантка была права.

Может, тело всегда переезжало раньше, чем голова переставала держать сумку у двери.

Телефон завибрировал на столе.

Лукас.

«Погода выглядит ужасно. Поздравляю. Теперь у города есть характер, а не только рекламный фасад».

Пайпер улыбнулась сразу.

И немного разозлилась на себя за эту скорость.

Она набрала:

«Дождь показывает правду. Даже пальмы выглядят уставшими».

Ответ пришел быстро.

«Хорошо. Я не доверяю местам, которые привлекательны каждый день».

Пайпер посмотрела на экран чуть дольше, чем нужно.

Потом положила телефон экраном вниз.

Не потому что не хотела с ним говорить.

Хотела.

Просто ей все больше нравилось ощущение, когда хороший обмен сообщениями не нужно держать открытым, как

дверь, которая обязана куда-то привести.

Пайпер отломил кусочек бананового хлеба и протянула коту.

Кот понюхал, оскорбился и отвернулся.

«Справедливо», сказала Пайпер. «Я тоже иногда отвергаю то, что свободно предлагают, если уже выбрала неподходящее».

Она рассмеялась вслух.

Одна.

Женщина за соседним столиком посмотрела на нее с легким одобрением, будто смех в одиночестве был уважаемым видом досуга.

Дождь на несколько минут стал сильнее.

Потом снова превратился в мелкую водяную пыль.

Пайпер осталась.

Она смотрела, как две маленькие птицы сердито прыгают под навесом кофейни, будто лично возражают против погоды.

Смотрела, как мужчина в лодочных туфлях четыре минуты складывает карту, которую явно духовно не заслужил.

Смотрела, как кот без объяснений пересел на другой стул.

Когда-то она назвала бы это пустотой.

Со стороны оно так и выглядело:

одна женщина,

один кофе,

один кот,

один серый день.

Но пустота всегда была голодной.

А это было другим.

Тише.

Чище.

Все еще немного неровным по краям.

Но не пустым.

И это было достаточно новым, чтобы заметить.

К полудню дождь почти закончился, а небо стало бледно-молочным, как будто день еще решал, стоит ли исправляться.

Пайпер заплатила, снова почесала кота между ушами и пошла в сторону пристани, хотя не планировала туда идти.

После дождя пристань всегда выглядела слегка обиженной.

Лодки покачивались на воде цвета тусклого стекла.

Канаты потемнели от влаги.

Туристы в светлой одежде продолжали верить в свои наряды, несмотря на атмосферные доказательства обратного.

Пайпер шла медленно.

Не листала телефон.

Не торопилась.

Несла стакан с остатками кофе, пока не нашла урну, а потом с легким раздражением стала человеком с двумя свободными руками и слишком большим количеством мыслей.

На конце одного пирса она остановилась.

На деревянных столбах сидели пеликаны.

Огромные.

Доисторические.

Немного нелепые.

Как аристократы, которых придумали в плохом настроении.

Один из них чуть приподнял крылья и снова опустил.

Пайпер смотрела на них какое-то время.

Птицы не ждали объяснений.

Им не требовалось завершение.

Не нужен был последний текст, аккуратный финал или ответ, который уважает уже вложенное время.

Они просто поправляли равновесие и оставались там, где дерево держало.

Наверное, в этом был урок.

Но Пайпер устала от уроков.

Ей больше нравилась птица.

Недалеко маленький мальчик крикнул:

«Этот злой!»

Его отец, явно не готовившийся до обеда обсуждать психологию пеликанов, сказал:

«Может, он просто серьезный».

Пайпер улыбнулась.

Так можно было описать половину мужчин, которых она встречала.

Она стояла там дольше, чем собиралась, позволяя влаж-

ному ветру высохнуть на коже.

Потом один из пеликанов, обиженный чем-то, что знали только он и законы птиц, сорвался со столба, низко пролетел над пирсом и приземлился рядом с туристической парой, которая открывала бумажный пакет с выпечкой.

Дальше все произошло быстро.

Женщина вскрикнула.

Мужчина сказал: «Эй!» таким тоном, будто у предательства была служба поддержки.

Пеликан сунул клюв прямо в пакет, вытащил что-то слоеное и незаконно выглядящее, тяжело взмахнул крыльями и улетел.

С выражением существа, которое ни разу не спутало наглость с обаянием, потому что в его случае наглость действительно работала.

Пайпер рассмеялась так сильно, что ей пришлось наклониться вперед.

Женщина смотрела птице вслед в полном потрясении.

«Он украл мою булочку!»

Пайпер прикрыла рот рукой.

Пеликан приземлился на три столба дальше и проглотил половину добычи без намека на стыд.

Вот в чем разница, подумала Пайпер.

Птицы крали честно.

И потому что хорошие дни все еще умели неожиданно менять форму, она почувствовала это.

Тонкую боль, которая приходила не тогда, когда жизнь была плохой.

А когда она была почти достаточно хорошей.

Вот море.

Вот влажный ветер.

Вот преступный пеликан с великолепными инстинктами.

Вот смех.

И все равно.

Пайпер могла построить себе красивый день.

Похоже, это уже не было проблемой.

Проблемой было то, что красивый день все равно оставлял рядом место.

Не место для мужчины.

Не совсем.

Место для свидетеля.

Она не скучала по хаосу.

Она скучала по тому, чтобы было кому передать день.

Эта мысль шла с ней обратно до самого дома.

В комнате после дождя стало прохладнее. Пайпер переделась, приоткрыла окна шире и достала альбом без долгого спора с собой.

Сегодня она решила рисовать плохо.

Намеренно.

Это тоже было прогрессом.

Никакого горизонта, который старается понравиться.

Никакой аккуратной красоты.

Только быстрые мазки.

Мокрый синий.

Неровный зеленый.

Серая линия облака.

Птица, которая сначала превратилась в пятно, потом в плохую птицу, а потом вдруг в лучшую птицу.

Когда Пайпер отступила от листа, пальцы были испачканы краской, а вся страница выглядела так, будто погода пыталась вспомнить саму себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.